

Аргонавти хирургии из заволжской глубинки

Эпизоды жизни и исканий лауреата премии имени Т. Бильрота, дважды лауреата Государственной премии Украины в области науки и техники, профессора Петра Фомина

Пролог судьбы

Хирургический самородок из российской глубинки — так иногда характеризуют Фомина. С 1970 г. он работает в области своих умений в Национальном медицинском университете им. А.А. Богомольца, но проистекает как профессионал из Томска, из легендарной школы академика АМН СССР Андрея Григорьевича Савиных. Как же лег этот интересный сценарий призвания? Быть может, тут подходит афоризм: «В будничных делах трудолюбие способно делать все, на что способен гений, и, кроме того, есть множество вещей, которые гений делать не умеет». Вертикаль овладения хирургическим мастерством П.Д. Фомина преодолел с неистощимой стоической настойчивостью и при этом начисто вне каких-либо медицинских династических влияний и преимуществ, как бы доказывая своей подвижнической биографией слова профессора Преображенского из булгаковского «Собачьего сердца» о том, что каждая крестьянка может родить своего Ломоносова.

Итак, сентябрь 1939 г., когда Петя Фомин в отдаленном селе Темниковского района в Мордовии пришел в мир. Что-то символическое в судьбе его семьи заключалось в этой дате: уже 10 дней шла Вторая мировая война, начавшаяся с растерзания Польши. «Мы вели машины, обезжая мины, по путям-дорогам фронтовым» — эта песенка и о Дмитрие Иосифовиче Фомине, Петинном отце, водителе, мастере на все руки до и после войны, с которой он вернулся в 1945-м. Плел лапти и корзины, искусно изготовлял гармошки и балалайки, обладал врожденным музыкальным слухом. Мануальные способности передал сыну, а вот мама, Галина Яковлевна, родом из Самарской губернии — талант доброго сердца.

Семья жила скудно, несмотря на одаренность отца и вечные трудовые заботы мамы, и Петя Фомин собрался поступать в военное железнодорожное училище: там давали форму. Дедушка, мамин отец, пророчески предугадывая завтрашний день внука, мудро посоветовал — поступай в медицинский институт. Так Петр Фомин стал студентом Томского медицинского института, окончил его в 1962 г.

В мледе академика Савиных

Оперативное дарование было в нем, очевидно, заложено, но путь вверх выдался весьма трудным. Сельский юноша небольшого роста, скромный и застенчивый, не был поначалу, да и потом душой общества. Мало кто знал, что почти вся стипендия уходит на оплату жилья, поскольку места в общежитии не выделяли. По ночам раз в неделю, чтобы что-то заработать, разгружал вагоны, питался на считанные копейки. На одном из первых практических занятий схватил «двойку» по анатомии, и учиться вообще расхотелось. Веру в себя вселила мама, студент взял себя в руки. Постепенно, шаг за шагом, пропавшая на скоромощных дежурствах, продвигался в хирургии. К Петру Фомину приоткрылись на кафедре госпитальной хирургии, возглавляемой А.Г. Савиных в старинном сибирском университетском центре, и, окончив институт в 1962-м, он в течение двух лет обучался в интернатуре на кафедре. Рядом с Андреем Григорьевичем работать пришлось недолго: он тяжело заболел и в 1963 г., в семьдесят пять, скончался. Петру Дмитриевичу довелось быть его лечащим врачом. Что представлял собой А.Г. Савиных, окончивший этот же факультет в Томске в 1917-м? Начал как военный врач во время боев на Кавказе, потом некоторое время работал хирургом в Земской больнице в Тобольске, а с 1919 г. до конца жизни трудился в Томске. Создал здесь филиалы центрального института переливания крови и института экспериментальной и клинической онкологии. Блестяще оперировал на желудке, но одно из эпохальных его достижений — хирургия средостения путем его раскрытия через диафрагму, что оптимизировало возможность хирургического лечения рака кардии по методу Савиных. Разработал анастомоз между дном желудка и левосторонней поверхностью нижней трети пищевода с одновременной ваготомией. Венцом мастерства А.Г. Савиных явился способ заградной предфасциальной пластики пищевода. Предложил и метод высокой спинномозговой анестезии, впервые разработал оригинальные варианты хирургического лечения ихтиококкоза. В общем, был гигантом хирургии мирового уровня.

Научную эстафету Андрей Григорьевич передал своей ученице Валентине Сергеевне Рогачовой, вернувшейся с фронта молодой подвижнице, личности нелегкой, но благородной судьбы, прошедшей путь к вершинам специальности, несмотря на то что ее отец, обычный железнодорожник, был незаконно репрессирован в сталинские времена. Это, впрочем, лишь ремарка, а главное заключалось в хирургической синтонности между В. Рогачовой и П. Фоминым.

С Петром Дмитриевичем мне посчастливилось не раз беседовать, вместе с ним и Виталием Федоровичем Москаленко

мы написали научную биографию видного украинского хирурга Василия Дмитриевича Братуся. Итак, я перехожу далее к воспоминаниям и впечатлениям моего уважаемого собеседника, предпосылая им строки поэта Ильи Сельвинского:

*Для счастья нужно очень много:
Чтобы у честности в стране
Была широкая дорога,
Чтоб вечной ценностью людской
Слыла душа, а не анкета...*

Что же, это дорога Петра Фомина, лишь в последние десятилетия ставшая и впрямь широкой. И в сравнении его с аргонавтом — отважным мореплавателем — нет преувеличения.

— В период, когда я становился на хирургическое крыло, в Новосибирске под руководством профессора Е. Мешалкина был создан институт кардиохирургии, — рассказывает Петр Дмитриевич, — и я был туда направлен. Предполагалось, что специализированные бригады будут производить операции на сердце и магистральных сосудах в различных городах Сибири. Предложение и сейчас выглядит вполне разумным. В институте я проявил себя достаточно достойно, и мне была предложена работа. Но семейные обстоятельства — я недавно женился, росла дочь, а жилья в Новосибирске вскоре не обещали, — побудили вернуться в Томск. Оперировал много, в 1966 г. был избран ассистентом родной кафедры, в 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию «Заградная предфасциальная тонкокишечная эзофагопластика при рубцовой непроходимости пищевода». И в этом же году неожиданный поворот в чертеже жизни привел меня в Украину.

Киевская вертикаль

— Фактически не Вы избрали новое место работы и жизни, а Украина как бы избрала Вас. Как это произошло?

— Разумеется, не сразу. Дело в том, что доктор медицинских наук В. Рогачова интенсивно росла как один из ведущих специалистов хирургии пищевода. Обладала филигранной хирургической техникой, ее показательные операции в ведущих клиниках Москвы, Ленинграда, Иркутска, Риги, Харькова, не говоря уже о Томске, привлекали и восхищали специалистов. Я был ее неизменным ассистентом, перенимая и искусство, и сердечность. Так, однажды, в середине 1960-х, мы попали по приглашению на хирургическую конференцию в Донецк. Здесь кафедрой хирургии заведовал энтузиаст абдоминальной хирургии, героический фронтовик Игнат Михайлович Матяшин, организовавший конференцию. Их усилиями профессор В. Рогачова по конкурсу была избрана руководителем кафедры хирургии педиатрического факультета КМИ, сменив А.А. Федоровского. Валентина Сергеевна поставила условие, чтобы в Киев как ее основной помощник был приглашен и я. Таким образом, с 1970 по 1981 год я являлся ассистентом этой кафедры. В 1984 г. защитил докторскую диссертацию «Восстановительные операции и их последствия при рубцовой непроходимости пищевода».

— Как проходили эти годы?

— Вы знаете, не так легко. Я был беспартийным, и некоторые коллеги с наличием партийного билета не лучшим образом воспринимали мои хирургические достижения. Были трудности с пропиской, это отдельная бюрократическая повесть. Помогло содействия К.С. Тернового, отвечающего за 4-е управление, т. е. правительственную медицину.

Василию Дмитриевичу Братусю, продолжавшему заниматься хирургией, видимо импонировало, что на заседаниях хирургического общества я выступаю без текста. В 1980-х, возглавив нынешнюю кафедру факультетской хирургии № 2 в НМУ, он инициировал встречу со мной, предложив должность доцента на этой кафедре, на что я, разумеется, согласился. С 1985 по 1992 год я преподавал ее профессором, а с дальнейшего срока заведующим.

— Более четверти столетия Вы работали рядом с В.Д. Братусем и во многом продолжаете его начинания. Как складывались Ваши взаимоотношения?

— Не всегда благостно, в хирургии это вообще противопоказано, но неизменно tolerantно и дружелюбно. К Василию Дмитриевичу можно применить формулу: решительный, мудрый, опытный, справедливый. Я последовательно развивал и его линию по совершенствованию центра лечения острых желудочных кровотечений, придавая новые возможности, уже в структуре больницы № 12 на Печерске. Кафедру Василий Дмитриевич совершенно добровольно уступил весьма примечательным этическим решением: в начале 1992 г., ничего не сказав, рекомендовал мою кандидатуру ректору мединститута, академику АМН СССР Евгению Игнатьевичу Гончаруку, и о перемене ролей я узнал лишь в ходе нашей совместной беседы.

Придя на кафедру на следующий после официального избрания день, я с изумлением узнал: Василий Дмитриевич собирает

книги и вещи в своем кабинете на третьем этаже. Я этому шагу решительно воспротивился, оставшись в своем помещении. Василий Дмитриевич, блестяще консультируя, ведя интернов, трудился в своем кабинете до октября 2008 г., до его внезапной легкой кончины. Мы создаем его мемориальный кабинет-музей. Горжусь, что до конца его дней я проявлял сыновнее внимание к патриарху украинской хирургии.

Признание в мире

Знакомая дорога к больнице на Печерске. Обычно встретиться с Петром Дмитриевичем мне удается лишь утром, не позже девяти. Далее он, как говорится, нарасхват. Следует привести и некоторые официальные данные. В 2003 г. ученый-хирург был избран членом-корреспондентом АМН Украины, а в 2012 г. — ее действительным членом. Заслуженный деятель науки Украины (1999), дважды лауреат Государственной премии УССР и Украины в области науки и техники (1990, 2005). Действительный член Нью-Йоркской академии наук (1991). Член Экспертного совета (по хирургии) ВАК Украины. Участник научных форумов в ряде стран — Великобритании, США, ЮАР, Турции, Нидерландах. Имеет 11 дипломов различных выставок за достижения в хирургии. Подготовил 2 докторов и 26 кандидатов наук. В активе П.Д. Фомина — 22 патента на изобретения и новые технологии в хирургии. Член Европейского общества хирургов. Среди профессиональных отличий выделяются «Крест Пантелеймона Целителя» (2009), памятная медаль имени реформатора хирургии XIX ст. Теодора Бильрота (2012).

И снова мы продолжаем беседу. Прошу Петра Дмитриевича прокомментировать значимость недавней награды.

— Конечно же, я горжусь, что первым в Украине и СНГ удостоен присуждения мне Европейской академией естественных наук медали им. Т. Бильрота — великого немецкого и австрийского хирурга, сподвижника Н.И. Пирогова и одного из его лечащих врачей. Но это признание ко многому обязывает.

— Выходит, работа, работа, работа... Нужны недюжинные силы, а годы в разнообразных многочасовых операциях несутся. Как и где берется физические и нравственные силы?

— В физическом плане свою роль, возможно, играет генетика плюс тренированность. В студенческие годы, преодолевая некоторые черты характера, я всерьез увлекся спортом, стал кандидатом в мастера по пяти его видам. Лыжи, плавание, спортивная гимнастика, акробатика, стрельба из пистолета; занимался альпинизмом, участвовал в восхождении на Памир в соревнованиях на первенство Союза, где наша команда заняла второе место. Все это, возможно, сказывается и в моей сегодняшней работе, хотя хирургия — и многотрудный, и стрессовый жребий. Чтобы нести его, нужна душевная крепость в доме, и ее держатель — моя жена Тамара Леонтьевна, с которой мы вместе более полувека.

Взгляд на профессию

— Не так давно в рамках руководимой вами кафедры прошла Всеукраинская студенческая олимпиада по хирургии. Что Вы думаете о будущем хирургии в Украине?

— Олимпиада, а в ней участвовали члены кафедральных хирургических сообществ из 11 вузов медицинского профиля, продемонстрировала: такие кадры растут... Нужна углубленная многомесячная подготовка, в основном у операционного стола и, по-настоящему, на фантомах, с сертификацией по разделам хирургических умений. Современные миниинвазивные методики, лапароскопические операции сопряжены и с хирургическим искусством, а это словно восхождение на горные вершины. Чтобы находиться на гребне мировой хирургии, включая и работу с новейшей аппаратурой, нужны знания иностранных языков. Такие тенденции есть. Это как бы личный кредит. Я, к примеру, в интернатуре настойчиво занимался освоением английского языка, а затем перешел к французскому.

— Как Вы относитесь к электросоединению тканей, к патоновскому шву?

— Положительно и с энтузиазмом, поддерживаю его методики. Я применил новые украинские хирургические электроинструменты более 600 раз, в целом метод используется в 20 лечебных учреждениях. Полезнейшая новинка хороша и тем, что достаточно недорогое оборудование производится в Украине.

— Что бы Вы предложили в виде эпилога нашей беседы?

— Мне импонирует такое высказывание Вальтера Скотта: «Просто удивительно, какая целеустремленность, отвага и сила воли пробуждается в нас от уверенности в том, что мы исполняем свой долг».

Подготовил Юрий Виленский